

УДК 159.9.07

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ЛИЧНОСТИ С РАЗНОЙ ВОВЛЕЧЕННОСТЬЮ В МЕДИАКОНТЕНТ О РЕАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Сидельникова Елена Дмитриевна

*Старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования «Алтайский
государственный университет», г. Барнаул, Россия,*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7228-0932>, e-mail: savchenkoed@mail.ru

Аннотация

Введение: расширение медиапространства сопровождается ростом популярности контента о реальных преступлениях, что актуализирует вопрос о психологических механизмах вовлеченности в него. Несмотря на широкий общественный интерес, эмпирических данных о связи потребления криминального контента с эмоциональной регуляцией личности недостаточно. Цель исследования – изучить особенности эмоциональной регуляции у респондентов с разным уровнем вовлеченности в медиаконтент о реальных преступлениях.

Материалы и методы: в исследовании приняли участие 116 человек (средний возраст 34,6 года, 87,9 % женщин), разделенных по степени вовлеченности на три группы: низкая (27,6 %), средняя (24,1 %) и высокая (48,3 %). Использовались методики: «Опросник когнитивной регуляции эмоций», «Шкала потребности в поисках ощущений» М. Цукермана, «Диагностика уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко, «Новый опросник толерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой, «Тест эмоционального интеллекта» Н. Холла. Применялся непараметрический Н-критерий Краскала-Уоллиса. **Результаты:** выявлены значимые различия между группами. Респонденты со средней вовлеченностью демонстрируют наименее адаптивный профиль когнитивной регуляции: низкие показатели по стратегиям самообвинения, принятия, фокусирования на проблеме и рассмотрения в перспективе при высоком уровне обвинения других. Высокая вовлеченность ассоциируется с развитыми компонентами эмоционального интеллекта (управление эмоциями, эмпатия), повышенной толерантностью к неопределенности и потребностью в поиске ощущений. В структуре эмпатии у высоко вовлеченных доминирует интуитивный канал, у средне вовлеченных – проникающая способность, у низко вовлеченных – идентификация. **Выводы:** различные уровни вовлеченности в медиаконтент о реальных преступлениях ассоциированы с качественно отличающимися профилями эмоциональной регуляции. Наиболее уязвимой является группа со средней вовлеченностью, что открывает перспективы для психопрофилактической работы.

Ключевые слова: эмоциональная регуляция, когнитивная регуляция эмоций, медиаконтент о реальных преступлениях, эмпатия, толерантность к неопределенности, поиск ощущений, эмоциональный интеллект.

EMOTIONAL REGULATION OF PERSONALITY WITH DIFFERENT LEVELS OF ENGAGEMENT IN MEDIA CONTENT ABOUT REAL CRIMES

Sidelnikova Elena Dmitrievna

Senior Lecturer, Altai State University, Barnaul, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7228-0932>, e-mail: savchenkoed@mail.ru

Abstract

Introduction: the expansion of the media space is accompanied by the growing popularity of true crime content, which raises the question of the psychological mechanisms of engagement with it. Despite widespread public interest, empirical data on the relationship between consumption of crime content and emotional regulation are insufficient. The aim of the study is to examine the features of emotional regulation in respondents with different levels of engagement in true crime media content.

Materials and methods: the study involved 116 participants (mean age 34,6 years, 87,9 % women), divided into three groups according to their level of engagement: low (27,6 %), moderate (24,1 %), and high (48,3 %). The following instruments were used: Cognitive Emotion Regulation Questionnaire, Zuckerman's Sensation Seeking Scale, Boyko's Empathy Level Diagnostic Technique, Kornilova's New Uncertainty Tolerance Questionnaire, and Hall's Emotional Intelligence Test. The nonparametric Kruskal-Wallis H-test was applied. **Results:** significant differences between the groups were found. Respondents with moderate engagement demonstrated the least adaptive profile of cognitive regulation: low scores on self-blame, acceptance, refocus on planning, and positive reappraisal, combined with high scores on blaming others. High engagement was associated with developed components of emotional intelligence (emotion management, empathy), increased uncertainty tolerance, and sensation seeking. In the structure of empathy, the intuitive channel dominated in the high-engagement group, penetrating ability in the moderate-engagement group, and identification in the low-engagement group. **Conclusions:** different levels of engagement in true crime media content are associated with qualitatively different profiles of emotional regulation. The most vulnerable group is those with moderate engagement, which opens prospects for psychoprophylactic work.

Keywords: emotional regulation, cognitive emotion regulation, true crime media content, empathy, uncertainty tolerance, sensation seeking, emotional intelligence.

Введение

Трансформация современного медиапространства сопровождается интенсивным распространением материалов, основанных на документировании реальных криминальных событий. Кинематографические произведения документального жанра, аудиоподкасты, публицистические тексты и телевизионные программы, воспроизводящие обстоятельства преступлений, аккумулируют аудиторию, исчисляемую десятками миллионов человек в различных регионах мира [6; 9]. Означенный феномен устойчивого интереса к криминальному медиаконтенту приобретает статус самостоятельного исследовательского объекта в психологических, социологических и культурологических науках, поскольку затрагивает базовые аспекты человеческой психики и поведенческих паттернов: стремление к получению интенсивных эмоциональных переживаний, когнитивную потребность в осмыслении природы

девиантного поведения, а также необходимость социально приемлемой экспликации тревожных состояний и страха в контролируемых условиях [9; 10].

Невзирая на значительный общественный резонанс и неуклонно возрастающее количество эмпирических исследований, психологические детерминанты, обуславливающие вовлеченность аудитории в медиаконтент криминальной тематики, по-прежнему не получили исчерпывающего научного объяснения. В частности, дискуссионным остается вопрос о характере взаимосвязи между систематическим потреблением данного вида контента и индивидуальными особенностями эмоционально-регулятивных процессов. В рамках теоретических концепций потребление криминального нарратива рассматривается либо как адаптивная стратегия совладания с тревожными состояниями, либо как механизм развития эмпатического потенциала личности, либо, в противоположность вышесказанному, как индикатор редуцированной аффективной отзывчивости на переживания других [6; 8]. Тем не менее верификация либо фальсификация перечисленных гипотез посредством эмпирических данных представляется на сегодняшний день явно недостаточной.

Научная значимость данной работы обусловлена потребностью в комплексном изучении характера взаимосвязей между степенью вовлеченности аудитории в медиапродукцию криминальной документальной направленности и показателями эмоционально-регуляторной сферы личности. В качестве последних рассматриваются когнитивно-поведенческие стратегии эмоционального совладания, способность к эмпатии, устойчивость к условиям неопределенности, потребность в поиске ощущений, а также уровень развития эмоционального интеллекта.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели использовался комплекс психодиагностических методов, включающий в себя: «Опросник когнитивной регуляции эмоций» Н. Гарнефски, В. Крайг в адаптации Е.И. Рассказовой, А.Б.

Леоновой, И.В. Плужникова; «Шкала потребности в поисках ощущений» М. Цукермана; методика «Диагностика уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко; «Новый опросник толерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой; «Тест эмоционального интеллекта» Н. Холла, «Шкала изучения аспектной структуры интереса к криминальным историям» (АСИКИ) А. Вакари и Р. Крис Фрейли [9]. В исследовании приняли участие 116 человек. Средний возраст респондентов – 34,6 года ($SD=7,14$). Гендерный состав выборки характеризуется преобладанием лиц женского пола (102 человека – 87,9 %), мужчин – 14 человек (12,1 %). На основании результатов анкетирования вся выборка была поделена по степени вовлеченности в медиаконтент о реальных преступлениях:

- низкая вовлеченность (не вовлечены в данный медиаконтент или обращаются к нему крайне редко): 32 респондента (27,6 %);
- средняя вовлеченность (периодически вовлечены в просмотр медиаконтента о реальных преступлениях): 28 респондентов (24,1 %);
- высокая вовлеченность (погружены в подобный контент раз в неделю и чаще): 56 респондентов (48,3 %).

Среди математико-статистических методов обработки данных применялись методы описательной статистики и непараметрический Н-критерий Краскала – Уоллеса. Анализ производился с помощью программы SPSS Statistics 22.

Результаты исследования

На первом этапе исследования были установлены различия в выраженности показателей эмоциональной регуляции у респондентов с разной вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях при помощи Н-критерия Краскала – Уоллиса.

Сравнительный анализ выраженности особенностей когнитивной регуляции эмоций у респондентов с разной вовлеченностью (табл. 1.) показал, что «самообвинение», «принятие», «фокусирование на проблеме» и «рассмотрение в перспективе» в значимо меньшей степени выражено у респондентов со средней вовлеченностью по сравнению с другими группами

участников исследования. Представленные данные позволяют констатировать, что исследуемая выборка характеризуется недостаточно развитой способностью к рефлексивному осмыслению аффективно-насыщенных обстоятельств, переструктурированию их субъективной значимости и интернализации ответственности за происходящее. Сниженные показатели по шкале «фокусирование на проблеме» детерминируют дефицитарность проблемно-ориентированного поведения в стрессогенных условиях, тогда как низкие значения по шкале «рассмотрение в перспективе» свидетельствуют об ограниченных возможностях психологического дистанцирования от негативных эмоциональных состояний и их последующей когнитивной реструктуризации.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа (Н-критерий Краскала – Уоллиса) по методике «Опросник когнитивной регуляции эмоций» Н. Гарнефски, В. Крайг в адаптации Е.И. Рассказовой, А.Б. Леоновой, И.В. Плужникова у респондентов с разной вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях

	Низкая вовлеченность		Средняя вовлеченность		Высокая вовлеченность		Уровень статистической значимости (p)
	М	SD	М	SD	М	SD	
Самообвинение	11,94	4,30	8,64	1,75	11,79	3,42	< 0,001
Принятие	14,00	2,33	11,79	3,08	12,43	2,61	0,006
Руминация	11,94	2,53	11,36	3,64	11,79	3,82	0,648
Позитивная перефокусировка	9,25	1,88	10,86	2,69	10,07	3,31	0,123
Фокусирование на планировании	17,06	2,45	12,93	3,11	15,14	3,21	< 0,001
Позитивная переоценка	12,81	5,08	12,71	3,39	12,71	3,44	0,887
Рассмотрение в перспективе	13,63	4,65	12,14	2,80	12,36	3,59	0,018
Катастрофизация	8,31	2,93	7,50	2,30	8,14	3,02	0,658
Обвинение других	7,00	3,03	8,14	3,00	6,86	3,53	0,004

Наиболее высокие показатели по этим шкалам демонстрируют респонденты с низкой вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях. То есть указанная категория респондентов отличается более совершенными адаптационными механизмами эмоциональной регуляции: в их поведенческом репертуаре преобладают продуктивные когнитивные стратегии, ориентированные на анализ затруднительной ситуации, ее интеграцию в

личностный опыт и выработку конструктивных способов преодоления. Выраженная склонность к «рассмотрению в перспективе» способна отражать сформированную способность редуцировать аффективную напряженность посредством переориентации сознания на отдаленные жизненные цели и базовые ценностные ориентиры.

Вместе с тем в отношении шкалы «обвинение других» была зафиксирована диаметрально противоположная закономерность. Наиболее выраженные показатели по указанной шкале были обнаружены у испытуемых со средней вовлеченностью, что потенциально свидетельствует о преобладании экстернальных атрибутивных тенденций и склонности к делегированию ответственности за происходящие негативные события внешним факторам и субъектам. В свою очередь, статистически минимальные значения по данному параметру были зарегистрированы у респондентов с высокой вовлеченностью, что может быть обусловлено их более развитыми рефлексивными способностями, а также сформированной практикой критического осмысления сложных этических коллизий, регулярно воспроизводимых в криминальном медиаконтенте.

Следовательно, респондентов со средней вовлеченностью характеризует наименее выраженная адаптивность применяемых когнитивных паттернов, в то время как респонденты с низкой и высокой вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях обнаруживают значительно более развитые конструктивные способы психической регуляции, несмотря на качественные различия в их структурной организации.

Далее был проведен сравнительный анализ показателей по методике «Шкала потребности в поисках ощущений» М. Цукермана (табл. 2.). В результате анализа было установлено, что показатель по шкалам «поиск новых ощущений» и «поиск опыта» в значимо большей степени выражен у респондентов с высокой вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях по сравнению с другими участниками исследования. Полученные

данные соотносятся с теоретическими концепциями, согласно которым обращение аудитории к материалам криминальной тематики детерминировано стремлением индивида к интенсивным аффективным состояниям в контролируемых, психологически безопасных условиях медиапотребления [8]. Высокая вовлеченность в документальный контент о реальных преступлениях с высокой степенью вероятности представляет собой одну из специфических форм компенсаторного удовлетворения потребности в сенсорно-эмоциональной активации, дефицит которой фиксируется в рутинном социальном функционировании личности.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа (Н-критерий Краскала – Уоллиса) по методике «Шкала потребности в поисках ощущений» М. Цукермана у респондентов с разной вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях

	Низкая вовлеченность		Средняя вовлеченность		Высокая вовлеченность		Уровень статистической значимости (p)
	М	SD	М	SD	М	SD	
Расторможенность	3,56	1,39	3,07	2,39	3,21	2,10	0,182
Подверженность скуке	2,06	1,16	2,21	2,53	2,43	1,93	0,468
Поиск новых ощущений	3,38	1,96	4,79	3,08	4,93	3,25	0,047
Поиск опыта	4,63	1,90	4,14	1,88	6,07	1,92	< 0,001

Помимо этого, отчетливо выраженная диспозиция к «поиску нового опыта» может быть интерпретирована как проявление более генерализованной когнитивной направленности субъекта на изучение закономерностей социальной реальности, механизмов детерминации девиантного и делинквентного поведения, а также институциональных принципов функционирования системы уголовного правосудия.

Приведенные результаты коррелируют с научными данными, свидетельствующими о том, что интерес к медиаконтенту о реальных преступлениях зачастую обусловлен развитой способностью к саморефлексии и устойчивым стремлением индивида постичь природу девиантного поведения и насилия [6]. В рассматриваемом контексте интенсивная вовлеченность

аудитории детерминируется не столько тяготением к сенсационности, сколько представляет собой специфическую форму гносеологической активности, ориентированной на концептуальное осмысление комплексных социальных противоречий и этических моментов.

В результате анализа данных диагностики эмпатических способностей по методике В.В. Бойко (табл. 3.) было установлено, что «интуитивный канал эмпатии» в значимо большей степени выражен у респондентов с высокой вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях. Данная особенность может указывать на высокий уровень сформированности механизмов неосознанной перцепции аффективных состояний окружающих, что, по всей видимости, детерминирует усиленную степень эмоциональной идентификации с содержанием криминальных повествований.

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа (Н-критерий Краскала – Уоллиса) по методике «Диагностика уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко у респондентов с разной вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях

	Низкая вовлеченность		Средняя вовлеченность		Высокая вовлеченность		Уровень статистической значимости (p)
	М	SD	М	SD	М	SD	
Рациональный канал эмпатии	3,56	0,88	3,36	1,37	3,50	1,78	0,545
Эмоциональный канал эмпатии	4,13	1,86	3,57	1,53	4,29	1,17	0,114
Интуитивный канал эмпатии	1,75	1,37	2,64	1,62	3,07	1,40	0,001
Установки, способствующие эмпатии	4,00	0,62	4,14	0,93	4,29	0,71	0,166
Проникающая способность в эмпатии	3,75	0,84	4,36	0,73	3,93	0,81	0,029
Идентификация в эмпатии	3,44	1,39	2,57	1,26	3,00	1,26	0,049

Также было установлено, что «проникающая способность в эмпатии» преобладает у людей со средней вовлеченностью по сравнению с остальными респондентами. Это свидетельствует о наличии у этой группы испытуемых развитых компетенций в области установления межличностного контакта и

формирования психологически безопасного коммуникативного пространства, а также о выраженной способности к рефлексивному постижению субъективной реальности партнера по взаимодействию, при этом указанные характеристики не детерминированы непосредственно практиками медиапотребления.

Максимальные значения по шкале «идентификация в эмпатии» были выявлены в группе, характеризующийся низкой вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях. Данная закономерность свидетельствует о выраженной тенденции указанной категории лиц к психологическому уподоблению партнеру по коммуникации, тем не менее рассматриваемый механизм, по всей видимости, не реализуется посредством обращения к медиаматериалам криминальной тематики.

Результаты сравнительного анализа показателей по Т.В. Корниловой показали, что выраженность толерантности к неопределенности значимо в большей степени выражен у респондентов с высокой вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях (табл. 4.). Можно предположить, что интерес к материалам криминальной тематики обнаруживает взаимосвязь с выраженной способностью субъекта функционировать в условиях когнитивной неопределенности, объективно детерминированной самой природой криминалистического расследования и ретроспективной реконструкции событий. Восприятие документальных материалов о реальных преступлениях предполагает систематическое взаимодействие аудитории с дефицитарными информационными массивами, конкурирующими интерпретационными моделями и принципиальным отсутствием однозначных финальных решений, что с высокой степенью вероятности выступает либо механизмом развития толерантности к амбивалентным ситуациям, либо фактором селективного притяжения индивидов, изначально характеризующихся повышенным порогом восприятия неоднозначности.

Таблица 4

Результаты сравнительного анализа (Н-критерий Краскала – Уоллиса) по методике «Новый опросник толерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой у респондентов с разной вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях

	Низкая вовлеченность		Средняя вовлеченность		Высокая вовлеченность		Уровень статистической значимости (p)
	М	SD	М	SD	М	SD	
Толерантность к неопределенности	53,69	7,49	54,79	6,78	57,79	4,09	0,034
Интолерантность к неопределенности	59,75	8,87	61,71	6,24	63,21	10,03	0,099
Межличностная интолерантность к неопределенности	39,63	7,09	36,86	6,91	37,29	7,40	0,497

Диагностика особенностей эмоционального интеллекта доказала, что показатели по шкалам «управление своими эмоциями» и «эмпатия» в значимо большей степени выражены у респондентов с высокой вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях по сравнению с другими группами участников исследования (табл. 5.).

Таблица 5

Результаты сравнительного анализа (Н-критерий Краскала – Уоллиса) по методике «Тест эмоционального интеллекта» Н Холлау респондентов с разной вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях

	Низкая вовлеченность		Средняя вовлеченность		Высокая вовлеченность		Уровень статистической значимости (p)
	М	SD	М	SD	М	SD	
Эмоциональная осведомленность	9,13	4,56	10,00	4,11	10,79	3,66	0,285
Управление своими эмоциями	0,94	7,32	1,93	6,97	5,07	7,29	0,018
Самомотивация	4,19	6,31	4,93	6,25	6,14	5,19	0,605
Эмпатия	9,63	2,32	8,86	5,23	12,07	4,96	0,001
Управление эмоциями других	9,25	3,08	8,14	5,80	10,86	5,45	0,108

Выраженный показатель управления своими эмоциями у людей с высокой вовлеченностью может указывать на сформированный механизм произвольного контроля над аффективными состояниями, обеспечивающий успешную интеграцию интенсивных переживаний, порождаемых восприятием криминального медиаконтента. Данная закономерность коррелирует с теоретическим допущением о том, что систематическое взаимодействие с

эмоционально нагруженными нарративами либо детерминирует совершенствование механизмов аффективной саморегуляции, либо, в качестве альтернативной интерпретации, обуславливает селективное тяготение к подобному контенту со стороны лиц, изначально обладающих развитым эмоциональным самоконтролем [6]. А высокий уровень эмпатии свидетельствует об их склонности к интенсивному аффективному резонансу и когнитивной интерпретации эмоциональных состояний окружающих, в том числе применительно к субъектам криминальных нарративных конструкций.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования зафиксировали статистически значимые межгрупповые различия в сфере эмоциональной регуляции у людей с разной вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях.

Респонденты с низкой вовлеченностью демонстрируют наиболее функциональную конфигурацию когнитивно-регуляторных механизмов, выражающуюся в доминировании таких стратегий, как самообвинение, принятие, фокусирование на проблеме и ее рассмотрение в перспективе. Данная совокупность характеристик свидетельствует о сформированности рефлексивных инструментов психологической переработки негативного опыта и устойчивой способности к ментальному дистанцированию от дисфункциональных аффективных состояний, что находит свое подтверждение в актуальных научных публикациях, раскрывающих взаимосвязь конструктивных копинг-стратегий с показателями субъективного благополучия личности [2; 7]. В контексте эмпатийных проявлений у представителей указанной группы превалирует идентификационный компонент.

Группа респондентов со средней вовлеченностью характеризуется наиболее дезадаптивной конфигурацией копинг-стратегий. Выявленная структурная закономерность позволяет интерпретировать данные результаты как проявление недостаточной сформированности внутренних психологических ресурсов, необходимых для конструктивной когнитивной обработки аффективно-

нагруженной информации, а также как устойчивую тенденцию к экстернализации ответственности за происходящие события [2; 7]. В структуре эмпатических характеристик указанной группы ведущее положение занимает проникающая способность, то есть потенциал к формированию атмосферы психологической безопасности и доверия в межличностном взаимодействии.

Респонденты с высокой вовлеченностью характеризуются сформированными копинг-стратегиями адаптивного типа, которые функционируют в связке с выраженной потребностью в получении новых ощущений и разнообразного опыта. Данная закономерность согласуется с теоретическими положениями о природе мотивационных механизмов обращения к криминальному контенту, трактуемому как инструмент достижения интенсивных аффективных переживаний в субъективно безопасном психологическом пространстве [8]. В структуре эмпатических проявлений у данной категории лиц преобладает интуитивный канал восприятия эмоциональных состояний, а зафиксированные показатели эмоциональной регуляции и эмпатии превышают средние значения, что указывает на достаточно высокий уровень сформированности механизмов аффективной саморегуляции.

Полученные данные вступают в противоречие с распространенным стереотипным представлением об эмоциональной ригидности и холодности лиц, проявляющих устойчивый интерес к криминальному контенту [1; 6; 9]. Наряду с этим указанная группа обнаруживает статистически более высокие показатели толерантности к неопределенности, генезис которой может быть обусловлен как избирательным влечением к амбивалентному по своей природе контенту, так и систематическим тренирующим воздействием его регулярного потребления [3; 5].

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование было ориентировано на выявление специфики эмоциональной регуляции у людей с разной вовлеченностью в медиаконтент, посвященный документальным материалам о

реальных криминальных событиях. Полученный массив данных позволяет сделать следующие выводы:

1. Установлены статистически значимые различия в когнитивных стратегиях регуляции эмоций между группами с разной вовлеченностью. Было выявлено, что люди, эпизодически обращающиеся к криминальным медиаматериалам, обнаруживают наименее конструктивный регуляторный профиль, характеризующийся сниженными показателями по шкалам самообвинения, принятия, проблемно-ориентированного совладания и перспективного переосмысления событий.

2. Респонденты с высокой вовлеченностью в медиаконтент о реальных преступлениях демонстрируют повышенные показатели по шкалам «поиск новых ощущений» и «поиск опыта», что находится в соответствии с теоретическими положениями о мотивационных детерминантах потребления подобного контента.

3. Интуитивный канал преобладает у респондентов с высоким уровнем вовлеченности, проникающая способность в эмпатии – у людей со средним уровнем, тогда как идентификационный механизм является ведущим в группе с минимальной степенью погруженности в изучаемый тип медиаконтента.

4. Респонденты, характеризующиеся высоким уровнем вовлеченности, обнаруживают достоверно более высокие показатели выраженности толерантности к неопределенности.

5. Люди, вовлеченные в медиаконтент о реальных преступлениях, демонстрируют значимо более высокие результаты по шкалам «управление своими эмоциями» и «эмпатия», что интерпретируется как свидетельство сформированности механизмов аффективной саморегуляции и повышенной сенситивности к эмоциональным состояниям окружающих.

Ограничения. Интерпретация полученных результатов должна учитывать тот факт, что выборка характеризуется значительным дисбалансом по

гендерному признаку (87,9 % женщин, 12,1 % мужчин), что не позволяет в полной мере экстраполировать выводы на мужскую аудиторию.

Limitations. The interpretation of the obtained results should take into account the fact that the sample is characterized by a significant gender imbalance (87,9% women, 12,1% men), which does not allow for full extrapolation of the findings to the male population.

Список источников

1. Андреева Ю. В., Пронина Е. Е., Полянина А. К. Психологические явления в информационном поле: феномены, процессы, вызовы и ресурсы. Казань : ООО «Логос-Пресс», 2026. 192 с.
2. Анхимова Р. В. Анализ воздействия информационных потоков СМИ на социально-психологические характеристики личности // Современные проблемы науки и образования. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17770> (дата обращения: 15.07.2026).
3. Гринько С. Д. Влияние медиасреды на преступность несовершеннолетних и молодежи // Образование. Наука. Научные кадры. 2026. № 1. С. 130–133. <https://doi.org/10.24412/2073-3305-2026-1-130-133>
4. Невструева Т. Х., Суслина А. А. Взаимосвязь самосострадания и особенностей эмоциональной сферы личности // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 2. С. 45–57. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(2\).32](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(2).32)
5. Неренц Д. В., Осминина А. А. Особенности подкастов криминальной тематики в российском и зарубежном медиапространстве // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2024. № 11. С. 148–163. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-11-148-163>
6. Можавина С. А. Эмоциональное воздействие документальных фильмов // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2025». URL: <https://istina.ips.ac.ru/publications/article/817628591/> (дата обращения: 15.07.2026).
7. Шайхутдинова Р. Р. Эмоциональная сфера личности: сущность, функции и роль в регуляции деятельности // Наука в аудитории: образовательные технологии для исследовательской деятельности : Сборник научных трудов II Международной студенческой научно-практической конференции. Курск : Курский государственный медицинский университет, 2025. С. 308–310.
8. Alia-Klein N., Wang G. J., Preston-Campbell R. N., Moeller S. J., Parvaz M. A., Zhu W., Jayne M. C., Wong C., Tomasi D., Goldstein R. Z., Fowler J. S., Volkow N. D. Reactions to media violence: it's in the brain of the beholder // PLoS One. 2014. Vol. 9. No. 9. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0107260> URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC4160225/>
9. Perchtold-Stefan C., Rominger C., Ceh S., Sattler K., Veit S.-V., Fink A. Out of the dark – Psychological perspectives on people's fascination with true crime // British journal of psychology. 2026. Vol. 117. P. 880–909. <https://doi.org/10.1111/bjop.70038>
10. Perchtold-Stefan C. M., Cropley D., Sattler K., Rominger C., Fink A., Baas M. Do fans of violent stories show a higher potential for creative harm? True Crime as a stimulating environment for malevolent creativity // The Journal of creative behavior. 2026. Vol. 60. No. 1. <https://doi.org/10.1002/jocb.70100> URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/jocb.70100>

References

1. Andreeva Y.V., Pronina E.E., Polyanina A. . *Psikhologicheskie yavleniya v informatsionnom pole: fenomeny, protsessy, vyzovyiresursy* [Psychological phenomena in the information field: phenomena, processes, challenges and resources]. Kazan: ООО «Logos-Press», 2026, 192 p. (In Russ.).
2. Anhimova R.V. Analiz vozdejstviya informacionnyh potokov SMI na social'no-psihologicheskie harakteristiki lichnosti. *Sovremennye problem nauki i obrazovaniya* [Analysis of the impact of media information flows on socio-psychological characteristics of personality. Modern problems of science and education]. (In Russ.). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17770> (accessed 15.07.2026).
3. Grin'ko S.D. Vliyanie mediasredy na prestupnost' nesovershennoletnih i molodezhi [The influence of the media environment on juvenile and youth crime]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnyekadry* [Education. Science. Scientific personnel]. 2026, no. 1, pp. 130–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-3305-2026-1-130-133>
4. Nevstrueva T.Kh., Suslina A.A. Vzaimosvyaz' samosostradaniya i osobennostey emotsional'noy sfery lichnosti [The relationship between self-compassion and features of the emotional sphere of personality]. *Baikal Research Journal* [Baikal Research Journal]. 2022, vol. 13, no. 2, pp. 45–57. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(2\).32](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(2).32)
5. Nerents D.V., Osminina A.A. Osobennosti podkastov kriminal'noy tematiki v rossiyskom i zarubezhnom mediaprostranstve [Features of crime-themed podcasts in the Russian and foreign media space]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya* [RSUH Bulletin. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies]. 2024, no. 11, pp. 148–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-11-148-163>
6. Mozhavina S.A. Emotsional'noe vozdeystvie dokumental'nykh fil'mov. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2025»* [Emotional impact of documentaries. Proceedings of the international youth scientific forum «LOMONOSOV-2025»]. (In Russ.). URL: <https://istina.ips.ac.ru/publications/article/817628591/> (accessed 15.07.2026).
7. Shaykhutdinova R.R. Emotsional'naya sfera lichnosti: sushchnost', funktsii i rol' v regulatsii deyatel'nosti [The emotional sphere of personality: essence, functions and role in the regulation of activity]. *Nauka v auditorii: obrazovatel'nye tekhnologii dlya issledovatel'skoy deyatel'nosti : Sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Science in the classroom: educational technologies for research activities: Collection of scientific papers of the II International Student Scientific and Practical Conference]. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet, 2025, pp. 308–310. (In Russ.).
8. Alia-Klein N., Wang G.J., Preston-Campbell R.N., Moeller S.J., Parvaz M.A., Zhu W., Jayne M.C., Wong C., Tomasi D., Goldstein R.Z., Fowler J.S., Volkow N.D. Reactions to media violence: it's in the brain of the beholder. *PLoS One*. 2014, vol. 9, no. 9. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0107260> URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC4160225/>
9. Perchtold-Stefan C., Rominger C., Ceh S., Sattler K., Veit S.-V., Fink A. Out of the dark – Psychological perspectives on people's fascination with true crime. *British Journal of Psychology*. 2026, vol. 117, pp. 880–909. <https://doi.org/10.1111/bjop.70038>
10. Perchtold-Stefan C. M., Cropley D., Sattler K., Rominger C., Fink A., Baas M. Do fans of violent stories show a higher potential for creative harm? True Crime as a stimulating environment for malevolent creativity. *The Journal of Creative Behavior*. 2026, vol. 60, no. 1. <https://doi.org/10.1002/jocb.70100> URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/jocb.70100>